ДЫПЛАМАТЫКА

Анна Л. ХОРОШКЕВИЧ

К ИЗУЧЕНИЮ ДИПЛОМАТИКИ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО И ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СИГИЗМУНДА II АВГУСТА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ («УВЯЖЧИЕ ЛИСТЫ» КНИГИ ЗАПИСЕЙ 44 ЛИТОВСКОЙ МЕТРИКИ)

Abstract: *Anna L. KHOROSHKEVICH.* K izucheniyu diplomatiki Velikogo Knyazhestva Litovskogo i vneshney i vnutrenney politiki Sigismunda II Avgusta v pervye gody Livonskoy voyny ("uvyazhchie listy" Knigi zapisey 44 Litovsoy Metriki) [To Study of the Diplomatics of the Grand Duchy of Lithuania both Internal and Foreign Policy of Sigismund II Augustus per the First Years of the Livonian War (The "Introductory Letters" / "Uviažčyja Listy" of the Book of Inscriptions No 44 of the Lithuanian Metrica)] // *METRICIANA: Daśledavańni i materyjały Metryki Vialikaha Kniastva Litoŭskaha.* Vol. II (ATHENAEUM: Commentarii Historiae et Culturae. VIII, 2003). P. 57—62.

Ввод в научный оборот 44-ой Книги записей Литовской Метрики[1] в серии "Беларуская гістарычная бібліятэка" – это не только новый шаг в развитии белорусской археографии[2], это и новый уровень изучения дипломатики Великого Княжества Литовского. Пусть составитель этого тома – А. И. Груша и не ставил перед собой специальной цели дипломатического исследования документов этой книги, однако избранный им метод публикации вынудил его серьёзно заниматься классификацией находящихся в книге материалов и адэкватного определения тех или иных разновидностей материалов в заголовках документов. Последуем же за публикатором.

Среди указателей есть один очень скромный, но чрезвычайно важный. Это указатель разновидностей документов (с. 166), он составлен в соответствии с современными научными заголовками документов, принадлежащими А. И. Груше. В самой книге-копии также имеются заголовки. К сожалению, в своём Введении издатель не остановился на вопросе классификации материалов Метрики, ограничившись лишь краткими замечаниями относительно времени составления заголовков, большую часть которых он справедливо относит к концу XVI в. Исключения, по его мнению, составляют заголовки четырёх документов – №№ 30, 37, 39, 70, поскольку содержат избыточную – по сравнению с текстом – информацию, а именно – дату или имя адресата.

А. И. Груша выделил 17 разновидностей документов, которые он и попытался распределить в соответствии с предложенной им классификацией (это откупной, известительный, известительно окружной, данный уставной, заставной = закладной, подтвердительный, льготный, ввязчий, «лист», «вырок», «глейтовный», запись, инструкция, привилей, реестр, «устава»). Нельзя сказать,

---

[1] *Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559—1566)* / Падрыхтаваў А. І. Груша. Мн.: Арты-Фэкс, 2001.

[2] См. подробнее: Хорошкевич А. Л. Рец.: *Метрыка Вялікага княства Літоўскага: Кніга 44: Кніга запісаў 44 (1559—1566)* / Падрыхтаваў А. І. Груша. Мн., 2001 (В печати).

чтобы Груша вполне успешно справился с задачей подобного подсчёта и распределения. В указателе насчитывается 126 позиций, тогда как в самой книге всего 106 документов. Некоторые из них оказались занесёнными в две разновидности: «листы» и их подвиды (известительный окружной, данный уставной, ввязчий). На примере последней разновидности попытаемся рассмотреть, почему так случилось.

Документ № 1 относится к 25 июля 1561 г.

Заголовок текста:

Заголовок конца XVI в.	Заголовок 2001 г.
Листъ, писаный до старосты зелборского, пана Миколая Талвоша, князю Ивану Крошинскому на мыжу Акнисту при границы ифлянтъской	«Лист» вял. кн. літ., кар. пол. Жыгімонта [II] Аўгуста да зельборскага і ленаварскага с-ты, п. Мікалая Тальвошы аб дараванні ўпіцкаму дз-цу кн. Івану Цімафеевічу Крошынскаму мызы Акністы пры Інфлянцкай мяжы, і ўвяжчы на ўвядзенне Крошынскага ва ўладанне

В самом тексте документа чётко выделяются интитуляция, инскрипция, наррация, диспозиция и конечный протокол. Составитель заголовка конца XVI в., находившийся в великокняжеской канцелярии, не счёл целесообразным указывать имени и титула короля, внёс в соответствии с традициями своего времени отсутствовавшее в самом документе слово *лист*, но сохранил имя адресата, пожалованного землёй лица, точное указание о мызе и её расположении, чрезвычайно актуальное и в условиях 1561 г., и в конце XVI в. Однако составитель заголовка опустил и важнейшую часть документа – распоряжение короля о передаче кн. И. Т. Крошинскому земли с определением её границ и об “увязанье” в новое владение.

А. И. Груша попытался раскрыть полностью содержание документа. В его заголовке король получил имя и титул, расширен в соответствии с текстом документа титул исполнителя королевского распоряжения. Вид документа определён в соответствии с заголовком конца XVI в. и текстом акта до двух – “лист” (подчёркиваем – в кавычках) и увяжчы-ввязчий. Насколько правомерно последнее действие – разделение единого документа на две разновидности – “лист” и “увяжчы”?

Вернёмся к тексту документа. В нём нет ни одного самоназвания документа, присутствуют лишь глаголы: один в прошедшем времени («дали есмо»), что указывает на действие, предшествовавшее имевшему место 25 июля 1561 г. написанию распоряжения зельборскому и ленневарденскому державце, и несколько глаголов в повелительном наклонении («ты бы ведал..., подал и завел... увезал»). Именно последние глаголы и выражают смысл и цель написания документа № 1. В связи с этим представляется неправомерным употребление двух терминов-существительных для определения розновидности документа № 1. Можно было бы облегчить конструкцию заголовка, опустив часть выделенных курсивом слов в заголовке А. И. Груши: “Увяжчы ліст... Жыгімонта [II] Аўгуста да зельборскага і ленаварскага с-ты, п.

Мікалая Тальвошы аб дараванні ўпіцкаму дз-цы кн. Івану Цімафеевічу Крошынскаму мызы Акністы пры Інфлянцкай мяжы".

Процедура дарования земли происходила по-разному. Согласно документу № 1 король сам распоряжался этим. Согласно документу № 2 от 3 ноября 1561 г. землю в указанном королем размере (двух волок "оселых" и 1 пустой) должен был найти и выделить пинский и кобринский староста Станислав Андреевич Довойна. При этом король велел обеспечивать в течении года сына боярского Воина Захарьича и его слугу продовольствием (зерном, солодом, крупами, мясом и деньгами на покупку свежего мяса и рыбы), а также их лошадей – сеном зимой, а летом – покосом (пашей ?). А. И. Груша предваряет текст документа аналогичным заголовком (дополнение – "аб забеспячэнні яго «живностью» на год"), в котором отчасти пропадает специфика ситуации – беглец из России попадает в льготные условия, ибо ему и его слуге выделяется содержание по довольно высоким годовым нормам, "доколе он на тои оселости своеи мешкане поставит". В диспозиции документа встречаем ту же условно-повелительную форму глагола: "штобы еси... обравъши у волости Кобрыньскои [три волоки] дал и завел... и в то его увезал, дал бы... живъность". Думается, эта разновидность может быть названа "листом данным, увязчим и льготным".

Третий тип пожалования – по инициативе ("челобитью") получателя найденной этим последним земли, представлен следующим документом № 3 от 8 февраля 1562 г. В наррации идёт речь о челобитьи мстиславского пушкаря на "пляц... с огородом", принадлежавшим мстиславскому мещанину. На этот раз королевская данина оформляется в момент создания опубликованного под № 3 документа: "... мы... есмо дали, и сим листом нашим даем". Сочетание в одной фразе прошедшего времени – "дали" и настоящего "даем" одного и того же глагола свидетельствует о том, что устное согласие короля предшествовало оформлению его в письменной форме. В инскрипции появляется глагол "приказуем.. тое дворище и огород дати" без внесения "плату с моръкгов местъских". Пожалуй, этот документ можно назвать "приказом рогачевскому державце о выделении пушкарю согласно его челобитью дворища с огородом на условии исполнения пушкарской службы".

Четвёртый документ книги от 5 февраля 1562 г. – данный и ввязчий господарскому слуге село Лопеницы взамен за продовольствие и деньги, которые слуга ранее получал из казны. На этот раз инициатором выступает сама казна, которой к февралю 1562 г. пришлось сокращать свои натуральные и денежные расходы – именно цели экономии и побудили выделить одному из слуг село Лопеницы.

Война Захарьич явно пользовался расположением короля. 28 февраля 1562 г. Сигизмунд II Август отдал приказ («приказуемъ») тому же Довойне "обрати волоку оселую, дати [Войне Захарьичу]... завести и увязати" (документ № 5), притом без отмены "живности" и кормовых денег, как это было в случае с Василием Чаплиным (документ № 4). Эта разновидность может быть названа "приказом-даниной и ввязчим листом".

Королевский приказ встречаем и в документе № 63 от 3 ноября 1562 г. "Приказ" адресован каменецкому старосте Г. И. Горностаю, который должен "завести" (т. е. отделить), "подать" и "увезать" дьяку И. Б. Кругельскому 4 волоки и 1 морг в Каменецкой волости. Решение об этом было принято королём до отправки настоящего приказа, при этом с предварительной

консультацией ревизоров, которые оценили землю как “кгрунът середний”. Думается, и этот документ можно назвать точно таким же образом, как и № 5.

Инициатором дарования земли в документе № 80 от 13 августа 1563 г. выступил боярин Новогородской земли Пётр Григорьевич, обратившийся с челобитьем к королю о получении трёх волок пустой земли на условиях конной службы. Однако окончательное решение по этому поводу должен был принять сам новогородский воевода, который должен был удостовериться в наличии такой земли, а в случае несоответствия просьбы челобитника реальности найти взамен 3-х указанных другие 3 волоки пустой земли. Этот “приказ короля воеводе… о данине и ввезанье в землю боярина… по его челобитью”.

1563 г. принёс чувствительные изменения не только в международном положении и престиже Великого Княжества Литовского, но и в социальных отношениях внутри самого государства. Многие полоцкие землевладельцы потеряли свои прежние владения и вынуждены были обратиться к королю с просьбой о предоставлении им новых земель за пределами Полоцкой земли. Среди них было трое Костюшковичей – Андрей, Максим и Игнат, бившие челом королю о пожаловании их “хлебокормлением” (документ № 83). Любопытно возрождение последнего термина – “хлебокоръмленик”, весьма древнего по мнению М. Н. Тихомирова. Король распорядился выделить им село в Могилёвской волости с землёй 2 х 8 вёрст, тремя дымами и двумя с половиной службами. Точность указания размеров села, его населения и платы за все повинности явно указывает, что в поисках источника “хлебокормления” полоцких бояр участвовали “скарб” и ревизоры. Неслучайно в документе употреблён глагол “давать” в прошедшем и настоящем времени: “дали есмо им и сим листом нашим даем”. На долю могилёвского державцы Остафья Воловича приходилась служебно-вспомогательная роль: “тое село… подати и в то их увезати”. Это “данина-ввязанье в хлебокормление села… до освобождения земель полоцких бояр… по приказу короля в соответствии с их челобитьем”.

Все вышеперечисленные документы А. И. Груша зачислил в две разновидности – “листов” и “увяжчих”. Некоторые аналогичные документы остались лишь в качестве “увяжчих”. Между тем дипломатический состав чисто “увяжчих” (по А. И. Груше) ничем не отличается от “листов” и “увяжчих”.

состав докта / № докта	№ 22	№ 25	№ 79	№ 94
Заголовок публикатора	увяжчий	увяжчий	увяжчий	“лист” и увяжчий
Интитуляция	Жигимонт [Август]	Жигимонт Август	Жигимонт Август	Жигимонт Август
Адресат	дворянин	дворянин	дворянин	державца василишский
Наррацио	дали [монастыръ]	дали [три волоки земли]	бил чоломъ; дали [три волоки земли]	дали [волоки оселые]

Диспозиция	“приказуемъ… ажъбы… увезалъ”	“приказуемъ… ажъбы… увезалъ” + “в моцъ и держанье… подалъ”	“приказуемъ, ажъбы еси… подалъ и… увезалъ”	“приказуемъ…ажъбы … далъ и… увезалъ. А мы то ему листомъ нашимъ потвердити роскажемъ”
Место, дата	Место, дата	Место, дата	Место, дата	Место, дата

Таким образом, «листы» и увяжчие отличаются от чистых увяжчих лишь адресатом – исполнителем распоряжения короля. Первые направлялись королём к представителю верховной власти, вторые – королевским дворянам, вероятно, во втором случае речь шла о землях, принадлежавших к королевскому и великокняжескому домену. Впрочем, это предположение нуждается в проверке.

Ввязчие листы использовались в случаях распределения или перераспределения земель. Даже те немногие 13 ввязчих свидетельствуют о пополнении, иногда временном, привилегированного сословия землевладельцев в связи с переходом на службу беглецов из Москвы, отмеченном уже в 1561 г., когда стали заметны сдвиги во внутренней политике Российского царства и первые признаки приближающейся опричнины. С другой стороны, внешнеполитические неудачи, в частности, потеря Полоцка 15 февраля 1563 г. обострила земельный вопрос в Великом Княжестве Литовском, когда часть полоцких землевладельцев потеряла свои отчинные земли. Таковы краткие итоги рассмотрения ввязчих, находящихся в составе Книги записей 44 Литовской Метрики.

Важно подчеркнуть, что систематический дипломатический анализ документов этой и других Книг записей может пролить новый свет не только на характер делопроизводства в этом государстве, но и на коренные вопросы истории его развития в годы Ливонской войны. Но это – задача будущих исследований, которые с выходом в свет 44-й Книги записей, равно как и других, будет проводить значительно легче.

Атрымана рэдакцыяй 30.I.2003